
Кира Лаплан
Другой мир. Мажор всё тот же придурок

Кира Лаплан

Другой мир. Мажор все тот же придурок

«Автор»
2026

Лаплан К.

Другой мир. Мажор все тот же придурок / К. Лаплан — «Автор», 2026

Я собиралась отработать вечер в особняке Громовых, получить деньги и больше не видеть Марка. Но этому самоуверенному мажору понадобилось открыть рот, мне — ответить, а старинному зеркалу хватило одного удара, чтобы отправить нас в другой мир.Здесь Марк первым делом попытался откупиться от вооружённых всадников своими часами. Часы забрали, а казнить нас всё равно собирались. Теперь на наших запястьях одинаковые метки, при попытке разойтись мы начинаем задыхаться, а из мёртвой столицы выходят существа, которых выпустили именно мы.Чтобы вернуться домой, придётся изображать супругов, делить постель и доверить свою жизнь человеку, который однажды уже меня предал. Только он почему-то возвращается за мной под обрушившуюся крышу, следит, чтобы я поела, и впервые просит прощения без оправданий.Я всё ещё говорю, что он меня бесит, но уже не могу уснуть, пока не услышу его шаги.А человек, способный открыть портал, утверждает, что домой вернётся только один. И предлагает Марку уйти первым.

© Лаплан К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я вообще-то здесь работаю 5
Глава 2. Твои часы здесь никому не нужны 9
Глава 3. Далеко от меня не уходи 13
Глава 4. За помощь тоже придётся платить 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Кира Лаплан
Другой мир. Мажор все тот же придурок

Глава 1. Я вообще-то здесь работаю

До конца смены оставалось четыре часа, а я уже успела облить рукав соусом, натереть пятку и выслушать мужчину, который считал, что я недостаточно радостно подаю ему канапе.

– Ника, только не говори, что ты тоже уходишь, – попросила Лера, когда я прислонилась к столу возле служебного входа. Она держала две пустые корзины и пыталась плечом поправить съехавшую лямку фартука. – Костя свалил с температурой, у Светки ребёнок заболел. Я сейчас поднос зубами понесу.

– Не ухожу я, просто проверяю, остались ли у меня ноги, – успокоила я её и забрала одну корзину. – Ты лучше выдохни. Мы сейчас уберём столы у террасы, и там уже половина работы закончится.

В кармане завибрировал телефон: хозяйка комнаты напоминала про оплату в понедельник. Я погасила экран.

– А после полуночи точно доплатят? – уточнила я, приседая возле тележки с посудой.

– Да, я узнавала. Только не теряйся, сейчас горячее понесём, – попросила Лера и убежала к кухне. Я поправила пластырь, прилипший к колготкам.

Когда вчера в рабочем чате появилась заявка, я посмотрела только на оплату. Фамилию хозяев узнала уже здесь, от водителя. При других обстоятельствах развернулась бы и уехала, но до стипендии оставалась неделя, а оплату комнаты я уже один раз перенесла.

До выпуска оставалось немного. Хотелось закончить экономический факультет без новых долгов, поэтому от выгодных смен я не отказывалась.

За дверью играла музыка. В зале пахло цветами, духами и тёплым хлебом; на кухне – мясом и перегретым маслом. Между этими двумя мирами я курсировала с подносом.

– Через галерею аккуратно, – предупредила администратор. – У кухни выставили дополнительные столы, тележки возим с другой стороны. К стенам ничего не прислоняем, коллекцию не трогаем.

За следующим подносом я столкнулась с Марком у террасы. Он слушал приятеля в синем пиджаке, явно скучая, но при виде меня отставил бокал.

– Соколова? Вот уж кого не ожидал здесь встретить. Ты почему не с нашими? Они весь день в чате собирались, – удивился он, окидывая меня взглядом.

– Потому что я вообще-то здесь работаю. Бокал нужен или ты просто решил постоять на проходе?

Я придержала поднос, а Марк посмотрел на мой фартук и снова перевёл взгляд на лицо.

– Понял. Слушай, я бы попросил тебя без этого тона, но ты, наверное, за него отдельно доплату получаешь.

– Нет, с тебя пока бесплатно. Отойди, пожалуйста, мне нужно пройти к столу.

Его приятель усмехнулся, но после короткого взгляда Марка отошёл к другим гостям.

– Соколова, мы уже четвёртый курс заканчиваем. Ты собираешься вспоминать ту презентацию до пенсии? – спросил он, понизив голос. – Меня тогда при полном зале выставили идиотом, твою фамилию в учебный проект вернули. Можно хотя бы иногда разговаривать без этого?

– Я вообще-то собиралась о тебе не вспоминать. Ты сам меня остановил, а теперь недоволен ответом.

Я крепче сжала край подноса. Перед глазами возникла та аудитория: преподаватели в первом ряду, Марк возле микрофона и его имя на титульном слайде. На моих диаграммах он даже цвета не поменял.

Когда я поднялась и попросила объяснить расчёты, он сначала попытался отшутиться, а потом сказал, что техническими деталями занималась помощница. То есть я. Две недели собирала данные и сводила таблицы, пока он выбирал обложку у знакомого дизайнера.

После разбирательства нам поставили оценки раздельно, а выплату конкурсной премии ему остановили. Но в электронной подборке лучших студенческих работ так и осталась первоначальная заявка с его фамилией. Тогда я добилась, чтобы мне зачли собственный труд, а на новые письма и выяснения сил уже не хватило.

– Я хотела сдать общий проект, – сказала я, стараясь не повышать голос. – Общий, Марк. А не сидеть в зале и слушать, как ты объясняешь преподавателям, что я помогла тебе оформить пару слайдов.

– Ника, ты прекрасно знаешь, что я не собирался тебя подставлять, – начал он, но я покачала головой.

– Потом расскажешь, у меня сейчас действительно нет времени. Люди ждут бокалы, а я не могу объяснить начальнице, что сын хозяина решил обсудить старые обиды.

Я обошла его и поставила поднос на стол. Руки дрожали, и от этого я злилась ещё сильнее. Почти три года прошло, а он по-прежнему умел за полминуты заставить меня почувствовать себя девчонкой, которой сначала воспользовались, а потом предложили не портить всем настроение.

У кухни Лера дала мне воду и предложила поменяться участками. Я отказалась: не хватало гонять её через весь зал из-за Громова.

Он ещё пару раз попадался мне на глаза, смеялся возле лестницы, что-то показывал знакомым в телефоне. Я складывала грязные приборы, стараясь не слушать его смех.

В свои двадцать три Марк уже привык, что достаточно назвать сумму – и вопрос будет закрыт. Я не понимала, зачем ему тогда понадобилась ещё и красивая победа на конкурсе.

К одиннадцати музыка стала громче. Часть гостей переместилась на террасу, а нам наконец разрешили убрать опустевшие столы.

Я загрузила тележку посудой и покатила её через галерею, где было прохладнее и почти тихо. Свет от небольших ламп падал на картины, стеклянные витрины и узкие столики вдоль стен. Перед высоким зеркалом на резных ножках стояла консоль с бронзовым конём. Я притормозила у края ковра: правое колесо тележки уводило в сторону.

В зеркале отразились мои выбившиеся из хвоста волосы и красное пятно там, где кожу натёр воротник.

Широкая тёмная рама была покрыта переплетающимися металлическими полосами. Лампа рядом светила тёплым жёлтым светом, но внутри стекла её отблеск почему-то уходил в серый, словно там стоял лёгкий туман.

Я машинально наклонилась ближе. Моё отражение повторило движение, и я уже хотела отвернуться, когда услышала голос Марка.

– Ты всегда делаешь вид, что меня не слышишь, или сегодня особый случай?

Я вздрогнула: он стоял у входа.

– Я тебя действительно не слышала. Здесь, представляешь, колёса скрипят, а в соседней комнате музыка.

– Я заметил. Мне нужно пять минут, и я не хочу орать через весь зал.

Он подошёл ближе. Я снова взялась за тележку.

– Тогда тебе не повезло, потому что я как раз ухожу. Мне ещё работать и работать, – сказала я, кивнув на посуду.

Марк недоумённо посмотрел на заставленную тележку.

– Её кто-нибудь отвезёт. Сколько тебе платят? Я компенсирую, если из-за меня задержишься.

Я медленно выпрямилась. По моему лицу он, кажется, понял, что сказал что-то не то.

– Да господи, я не в этом смысле. Просто ты всё время повторяешь, что работаешь. Я пытаюсь решить проблему.

– У меня нет проблемы с работой. У меня проблема с тем, что ты не понимаешь слово «потом».

– Потому что твоё «потом» означает «никогда». Ты со мной в университете разговариваешь исключительно при свидетелях и желательно так, чтобы они посмеялись.

– А ты ожидал, что я буду рада тебя видеть? После того как ты ещё полгода рассказывал всем, будто я устроила истерику из-за оценки?

Марк провёл ладонью по лицу. Улыбки больше не было.

– Я ожидал, что можно хотя бы перестать цепляться друг к другу. Ты сегодня начала при человеке, который вообще не имеет отношения к нашей истории.

– Ты сам меня остановил. А потом объяснил, что я уже получила всё, чего хотела, – напомнила я. – Ты хоть раз подумал, почему я тогда встала? Не о том, как тебе было неприятно, а почему мне пришлось разбираться с тобой перед всем залом?

– Ты могла подойти после защиты, а не устраивать представление, – возразил он, нахмурившись.

– Я подходила до неё! В коридоре, возле автомата с кофе. Ты сказал, что на слайде ошибка и сейчас всё поправишь.

Он отвёл взгляд. Помнил, конечно, всё прекрасно помнил.

За стеной громко рассмеялись. Я отступила от Марка и задела тележку бедром; звякнули тарелки.

– Ладно, с фамилией я тогда поступил неправильно, – сказал он. – Но ты же понимаешь, что после того выступления со мной ещё полгода…

– С фамилией? – Я почувствовала, как к лицу приливает жар. – Марк, ты подал наш проект на личную премию. Ты деньги за него собирался получить, а мне предложил радоваться хорошей оценке!

– Я бы с тобой поделился, чего ты заводишься? – спросил он так уверенно, что я несколько секунд просто смотрела на него.

– Вот теперь я точно не хочу продолжать, – произнесла я наконец. – Отойди от тележки, пожалуйста. Я сейчас скажу что-нибудь такое, после чего нас и через десять лет не помирят.

– Ника, я пытаюсь с тобой поговорить, а ты опять…

– Да ты не поговорить пытаешься! Ты хочешь, чтобы я сказала, что всё нормально, и перестала портить тебе настроение. Так вот, мне тогда не было нормально. И сейчас, когда ты предлагаешь купить пять минут моего времени, тоже не очень.

Голос сорвался на последнем слове. Я ненавидела это больше, чем саму ссору, и сразу отвернулась, чтобы он не заметил, как у меня защипало глаза.

– Я не предлагал тебя покупать, не надо передёргивать.

– А ты перестань объяснять, что я должна чувствовать. Дай пройти, пожалуйста, я больше не хочу с тобой разговаривать.

Я потянула тележку на себя, но колесо развернулось поперёк ковра. Пришлось дёрнуть сильнее, и посуда снова звякнула.

– Да проходи ты, я тебя не держу! – Марк отступил к стене и резко развёл руками, задев локтем бронзового коня.

Статуэтка качнулась, и я бросилась её ловить, перегнувшись через консоль. Чтобы не упасть, схватилась другой рукой за раму. Зеркало опасно накренилось; Марк дёрнулся вперёд

и поймал его с противоположной стороны. На секунду мне показалось, что всё обошлось, но тяжёлая бронза выскользнула из пальцев, и конская голова ударила в стекло.

Раздался сухой треск. Я успела подумать, что теперь буду работать на эту чёртову коллекцию до старости, но осколки почему-то не посыпались. По стеклу поползли чёрные полосы, моё отражение вытянулось и исчезло. За рамой открылась темнота, из которой пахнуло мокрой землёй.

– Марк, отпусти! – закричала я, пытаясь отдёрнуть руку. – Что ты стоишь, отпусти эту дрянь!

– Да я пытаюсь, у меня ладонь прилипла! – Он дёрнулся всем телом, а потом вцепился свободной рукой в край консоли, но она с грохотом перевернулась.

Я почувствовала, как ноги отрываются от пола. Пальцы всё ещё держали раму, хотя я изо всех сил пыталась их разжать. Холод обжёг запястье, в лицо ударил влажный воздух.

Последней я увидела тележку: она покатилась к стене, и верхняя тарелка съехала с края. Потом меня швырнуло вперёд, и я с размаху упала на колени в холодную грязь.

Удар выбил из груди воздух. Я стояла на четвереньках, раскрывая рот, и никак не могла вдохнуть. Рядом тяжело рухнул Марк и выругался; этот знакомый голос помог мне хотя бы перестать зажмуриваться.

Я подняла голову. Вместо галереи передо мной тянулась дорога с глубокими колеями. По обе стороны темнели деревья, а над ними было ночное небо без единого отблеска городских огней.

– Ника, ты цела? – Марк опустился рядом и потянулся к моему плечу. На его щеке размазалась грязь. – Посмотри на меня. Ты ударилась?

Я открыла рот, но прежде, чем смогла ответить, услышала частый тяжёлый стук. Из-за поворота появились лошади: сначала я различила свет факела, потом лица всадников и металл у них на груди. Ближайший мужчина натянул поводья так резко, что конь всхрапнул и переступил передними ногами.

Марк попытался подняться, выставив перед собой ладонь, но всадник опустил копьё. Тёмный наконечник упёрся Марку в грудь, сминая светлую рубашку.

Глава 2. Твои часы здесь никому не нужны

Марк замер, не успев выпрямиться. Наконечник вдавливал ткань у него под ключицей, и я боялась даже моргнуть: казалось, стоит кому-нибудь пошевелиться – и рубашка перестанет быть белой.

– Уберите это, пожалуйста. Мы ничего не сделали, – произнесла я, оставаясь на коленях. Голос вышел тонким, совсем не похожим на мой. – Мы просто… не понимаем, как здесь оказались.

Всадник посмотрел на меня, но копьё не отвёл. Под краем шлема темнела мокрая прядь, на щеке налипла грязь. От лошади шёл пар и пахло влажной шерстью.

– Руки покажите. Медленно, оба, – приказал мужчина и кивнул своему спутнику. – Радан, посмотри, что у них там.

Мы подняли ладони. Левая сразу заныла: при падении я содрала кожу о камни. С лошади спрыгнул широкоплечий мужчина с коротким клинком в руке. За ним остановились ещё двое всадников; один поддерживал человека, завалившегося набок в седле.

– Слушайте, давайте без резких движений, – заговорил Марк. Он старался говорить спокойно, но воздуха ему не хватало, и конец фразы получился хриплым. – Нам нужно добраться до ближайшего населённого пункта. Мы заплатим за помощь.

– Откуда вышли? – Радан остановился перед ним, загораживая деревья, среди которых я всё ещё пыталась разглядеть дверь в галерею.

– Это сейчас неважно. Мы не собираемся создавать вам проблем. У меня…

– Громов, он спросил, откуда мы вышли. Давай сначала ответим, – попросила я, стараясь не двигаться.

– И что ты предлагаешь ответить? – Марк снова посмотрел на вооружённого мужчину. – У меня на руке часы. Я медленно сниму их, а вы уберёте копьё, хорошо?

Он потянулся к застёжке, и я поняла, что мне не послышалось.

– Марк, ты серьёзно сейчас? Они вообще понимают, что ты предлагаешь? – выдохнула я, провожая взглядом его пальцы.

– У тебя есть предложение лучше? Они стоят достаточно, чтобы нас довезли куда угодно.

Застёжка не поддавалась. Марк зацепил её ногтем, выругался и наконец снял часы. Радан забрал их, несколько секунд разглядывал браслет, затем убрал в сумку на поясе.

– Отлично. Теперь мы можем встать и… – начал Марк, но наконечник скользнул по рубашке, заставив его замолчать.

Я смотрела на сумку, в которой исчезли часы. Мужчина даже не подумал, что заключил с нами сделку.

– Руку разверни, – потребовал Радан, наклоняясь к Марку.

Не дождавшись ответа, он схватил его за левое запястье и повернул ладонью вверх. Там, где только что был браслет, проступало тонкое тёмное кольцо с тремя разрывами, перечёркнутое косой линией.

Собственное запястье обожгло, и я посмотрела на такой же рисунок под краем рукава. Потёрла его большим пальцем, надеясь стереть, но только размазала грязь.

Радан проследил за моим движением. Я попыталась спрятать руку, но он уже присел, поймал меня выше кисти и потянул к свету. Я вскрикнула: его пальцы задели содранную кожу.

– Больно, отпустите! Да я сама покажу, не надо так!

Он уже не слушал. Всадник наклонил к нам факел, и я почувствовала жар на лице.

– Разомкнутый ключ, – проговорил он. Затем посмотрел на Марка, и выражение его лица изменилось так сильно, что мне стало холоднее. – У обоих. Они сорвали печать.

Мужчина в седле выругался. Сзади кто-то спросил, уверен ли Радан, но тот только сильнее стиснул мою руку.

– Три разрыва и поперечная черта. Чего тут не узнать? Нам такие на учениях показывали. – Он поднял на меня глаза. – Кто вас прислал? Где остальные?

– Никто не присылал. И нас только двое, мы вообще… – Я запнулась, потому что всё, что приходило в голову, звучало как бред. – Мы были в доме. Там разбилось зеркало, и мы оказались здесь.

При слове «зеркало» мужчина с копьём повернулся к Радану, а тот кивнул, словно услышал именно то, чего ждал.

– К канаве их. Не хватало ещё везти эту дрянь через наши ворота.

Не дав мне опомниться, Радан рывком поднял меня. Колени подогнулись, но он удержал за плечо и потащил в сторону от дороги.

– Подождите, вы куда? – Я попыталась упереться пятками. Подошвы скользнули по глине. – Да стойте же! Мы не сделали ничего, мы даже не знаем, где находимся!

Марк двинулся следом, но второй мужчина, успевший спешиться, ударил его древком по левому плечу. Удар был коротким и будничным. Марк согнулся, прижимая руку к боку.

– Не трогай её! – выкрикнул он, с трудом выпрямляясь. – Мы пойдём, слышишь? Куда скажешь пойдём, только убери от неё руки!

Я перестала сопротивляться, когда Радан развернул клинок. Он отвёл руку чуть в сторону, чтобы удобнее перехватить рукоять, и я вдруг поняла: он не собирается нас никуда вести.

– Пожалуйста, – сказала я, и слово вышло едва слышным. – У меня нет оружия. Посмотрите, у меня ничего нет…

– Радан, отойди от неё!

Голос раздался со стороны лошадей. К нам быстро шёл мужчина в тёмном плаще. Одну перчатку он держал в руке, другая была испачкана кровью. За его спиной двое солдат осторожно снимали с седла того, кто не мог сидеть прямо.

Радан повернулся, не выпуская моего плеча.

– Капитан, у них знак ключа. И про зеркало девка сама сказала.

– Я услышал. Убери клинок и отпусти её, пока я ещё прошу спокойно.

– Там за рекой моя жена с сыном! Северный огонь горит, посыльный еле доехал, а эти из леса вылезли! Ты хочешь…

– Я хочу понять, что произошло, пока у меня ещё есть кого спрашивать, – перебил капитан. Он остановился рядом и взял Радана за вооружённую руку. – Ты сейчас уберёшь это сам или мне придётся тебя связать?

Несколько секунд никто не двигался, потом пальцы на моём плече разжались. Я споткнулась о край колеи, и Марк придержал меня за локоть, но тут же отпустил: я дёрнулась от неожиданности. Радан вложил клинок в ножны и отошёл к лошадям.

Капитан посмотрел на нас.

– Если попробуете бежать, за вами всё равно пойдут. Не заставляйте моих людей снова хвататься за оружие. Это понятно?

Я быстро кивнула. Марк, бледный до серости, смотрел на канаву и ответил только после того, как капитан повторил вопрос.

Нас посадили на поваленный ствол у дороги. Один солдат остался напротив, положив ладонь на рукоять меча. Я обхватила себя руками, но дрожь не проходила. Перед глазами всё ещё были чужие пальцы, перехватывающие клинок.

Капитан вернулся с фонарём и присел перед нами.

– Назовитесь. И рассказывайте как было, не пытайтесь угадать, какие ответы мне понравятся.

– Вероника Соколова. Можно Ника. Мне двадцать два, – зачем-то добавила я, будто возраст мог подтвердить мою невиновность.

Марк тоже назвался и снова начал объяснять, что произошло недоразумение. Капитан остановил его:

– Меня зовут Тарен, я командую дозором. Про недоразумение услышал. Теперь расскажите о зеркале.

Марк предупреждающе посмотрел на меня, но я не понимала, что ещё можно скрывать.

– Оно разбилось, – сказала я. – Случайно. Мы были рядом, пытались его удержать.

Марк объяснил, что зеркало стояло в галерее его отца и что мы были одни. Я рассказала про упавшую статуэтку и чёрные трещины без осколков. Произносить это вслух было страшнее, чем помнить: сама бы себе не поверила. Тарен слушал без усмешки.

– Оба держались за раму? До самого перехода?

– Мы не могли отпустить, – ответил Марк. – Руки словно приклеились, хотя я изо всех сил тянулся назад.

Капитан осторожно повернул моё запястье к фонарю. Теперь он старался не задевать ссадину.

– Метки появились после?

Мы оба кивнули. Тарен выпрямился, глядя куда-то поверх наших голов.

– Вас нужно отвезти в Вейр. Там есть человек, который разберётся, что с вами произошло.

– А мы где сейчас? – спросила я, вцепившись пальцами в мокрую ткань юбки. – Хотя бы страну назовите. Я понимаю, как глупо это звучит, но мы действительно не знаем.

– Авер. Западный тракт от Вардена.

Марк покачал головой, будто название прозвучало недостаточно внятно.

– Это город? Варден – город?

– Был городом, – ответил Тарен. – До того, как его закрыли печатью.

Он сказал это без нажима, но я всё равно посмотрела на тёмный рисунок у себя на коже.

– И вы думаете, что мы её сломали?

– Я думаю, что этой ночью с северных постов идут сигналы бедствия, а у меня на дороге оказались двое со знаком разрушенного ключа. Остальное выясним в городе.

Он приказал проверить наши карманы. Я успела нажать кнопку телефона, прежде чем его забрали. Сети не было, а под временем по-прежнему висело сообщение хозяйки комнаты. Я смотрела на напоминание об оплате и не могла отвести взгляд.

– Это для связи, – объяснила я Тарену. – Можно звонить другим людям. Только сейчас не работает. Пожалуйста, не разбейте, там у меня всё…

Он завернул телефон в ткань. Туда же отправились телефон Марка, его бумажник и мои ключи. Часы Радан передал после отдельного приказа, не глядя на нас.

Нам связали руки впереди. Я попыталась отдёрнуть запястья, и Тарен присел передо мной.

– До города вас никто не тронет, пока делаете то, что вам говорят. Сейчас встанешь и пойдёшь рядом с ним. С дороги не сворачивать.

Я кивнула, хотя очень хотелось спросить, что будет в самом городе.

Мы пошли за лошадьми. Раненого усадили перед одним из солдат, чтобы тот его придерживал. Колготки прилипли к разбитым коленям, каждый шаг отдавался жжением. Марк тоже морщился, поддерживая пострадавшую руку.

– Ты хотел, чтобы я соврала про зеркало? – спросила я, когда мы немного отстали от лошади.

– Я хотел понять, что можно говорить. После этого слова тебя к канаве потащили, если ты не заметила.

– Я заметила, Марк. Именно поэтому не смогла придумать историю получше.

Он хотел возразить, но только выдохнул.

– Думал, заберут часы и отпустят. Теперь понимаю, что они нам ничего не обещали.

Я посмотрела, как дрожат его пальцы, пытающиеся размять затёкшие запястья, и промолчала.

У низкой каменной сторожки дозор остановился. Внутри ограды нашлось место для лошадей и навес с охапками старой соломы. Тарен велел нагреть воды для раненого, а нас посадили у стены, подальше от ворот.

За оградой шумел ручей. На другом берегу темнели покосившиеся крыши, и издалека казалось, что деревня просто спит.

Пока солдаты устраивали раненого, я смотрела на окна без света. Горло сдавило, и я зажала рот связанными руками, боясь разреветься при людях, которые совсем недавно собирались нас убить.

Марк повернулся ко мне, но спросить ничего не успел.

Со стороны деревни донёсся женский голос.

– Помогите, пожалуйста! Кто-нибудь, помогите!

Солдат у ворот уже потянулся к засову, когда Тарен резко остановил его за плечо.

– Назад. Из двора никто не выходит.

– Там женщина, – сказала я, приподнимаясь. – Вы же слышали? Может, она ранена?

Капитан снял фонарь с крюка и прикрыл заслонку, оставив узкую полоску света.

– В той деревне тридцать лет никто не живёт. И мост через ручей давно обрушился. Она не могла подойти так быстро.

За оградой снова позвали на помощь. Теперь голос звучал совсем близко, а я смотрела на капитана, который медленно вытаскивал меч, стараясь не задеть клинком каменную стену.

Глава 3. Далеко от меня не уходи

За ручьём стало тихо. Только вода шумела на камнях, да раненый под навесом тяжело втягивал воздух.

Я поднялась следом за Марком, неловко помогая себе связанными руками.

– Тридцать лет? А вы уверены, что туда никто не мог прийти? – спросил он, глядя на капитана. – Заблудиться, спрятаться, я не знаю…

– От ворот отойдите. Сейчас не время выяснять, кто куда мог прийти, – ответил Тарен и знаком подозвал Радана.

Тот взял копьё у стены. Я смотрела на его руки, помня, как недавно они держали меня и клинок.

За оградой хрустнул гравий. Женщина появилась так близко, что я невольно отступила: только что голос звучал с другого берега, а теперь она стояла у ворот.

На ней было длинное тёмное платье, облепившее ноги. Мокрые волосы закрывали половину лица. Склонив голову набок, она смотрела в щель между створками.

– Помогите, пожалуйста! Кто-нибудь, помогите!

Интонация была точно такой же. С тем же надрывом на первом слове, с тем же торопливым вдохом посередине. Только грудь под мокрой тканью не двигалась.

– Не отвечать ей, – приказал Тарен. – Радан, верёвки с них сними. Лошадей выводим через задний проход, раненого забираем первым.

Пальцы женщины просунулись между досками и легли на засов. Она дёрнула его, потом ещё раз, уже сильнее. Дерево заскрипело.

Радан подошёл ко мне с ножом, и я инстинктивно прижала руки к животу.

– Да не тебя я резать буду! Разверни кисти, пока есть время, – раздражённо сказал он.

Верёвка ослабла, обожжённая кожа заболела ещё сильнее. Пока Радан освобождал Марка, над дальним углом ограды поднялась чужая голова, затем ладонь ухватилась за край кладки.

– Там ещё кто-то! – Я ткнула пальцем в сторону стены, и солдат с копьём резко обернулся.

Человек перелезал через ограду медленно, неловко, будто плохо помнил, как это делается. Его нога застряла между камнями. Он потянул её на себя, не обращая внимания на вывернувшуюся ступню, и рухнул во двор.

Марк схватил меня за рукав и потянул за собой.

– Не смотри на него, иди за лошадьми, – сказал он мне почти в ухо. – Ты слышала, что капитан велел? Ника, ну двигайся же!

У ворот треснула доска. Тарен ударил мечом по просунувшейся руке, но женщина даже не вскрикнула. Только снова попросила помочь – всё тем же голосом.

– Пустых к лошадям не подпускать! Остальные за сторожку! – крикнул капитан.

Кто-то ругался, звенело железо, под копытами рассыпались камни. Я побежала за Раданом, который вёл под уздцы лошадь с раненым. Позади всхрапнула другая, дёрнулась в тесном проходе, и Марк отпустил мой рукав.

Оглянувшись, я увидела, как он отскочил от копыт к стене. Радан рявкнул, чтобы я не мешалась под ногами, и мне пришлось бежать дальше.

За сторожкой тропинка поднималась к дороге. Я карабкалась по скользкой земле, хваталась за траву, чувствовала, как колготки окончательно рвутся на коленях. Казалось, до ровного места осталось совсем немного.

И тут под кожей на запястье стало горячо.

Следующий вдох получился неполным, словно грудь перетянули широким ремнём. Я попыталась вдохнуть ещё раз, но воздух почти не проходил.

– Подождите, я… – начала я, догоняя Радана, и не смогла закончить.

Он обернулся только тогда, когда я упала на четвереньки. Ладони разъехались по мокрой глине. Я открывала рот, слышала собственный жалкий хрип и не понимала, почему ничего не получается. Горло не болело, во рту ничего не было, но вдохнуть я не могла.

Радан подхватил меня под мышки.

– Вставай, здесь нельзя оставаться. Давай, ногами помогай, что ты повисла?

Я замотала головой, пытаясь показать на грудь. Перед глазами поплыли тёмные пятна, и только между ними я увидела внизу свет фонаря.

Марк стоял возле стены сторожки, согнувшись и упираясь ладонью в камни. Тарен держал его за плечо. Потом Марк осел, почти так же, как я секунду назад.

– Девчонку сюда! Радан, не дальше, обратно веди! – донеслось снизу.

Меня развернули. Ноги волочились по земле, я никак не могла на них опереться. Тарен тащил Марка нам навстречу, а я смотрела на его склонённую голову и боялась, что сейчас перестану видеть вообще.

Первый удачный вдох оказался болезненным. Я закашлялась, вцепившись в рукав Радана. Марк ещё не добрался до меня, между нами оставалось несколько шагов, но он уже пытался выпрямиться.

– Не стойте, дальше идём вместе! – приказал Тарен.

Мне хотелось сесть прямо в грязь и дождаться, когда перестанет трясти. Вместо этого я переставляла ноги и слушала дыхание Марка, боясь снова оказаться слишком далеко.

Мы остановились лишь на открытом взгорке. Отсюда просматривалась дорога, а сторожку скрывал поворот. Двое солдат остались смотреть назад, остальные занялись раненым и лошадьми.

Мы с Марком сели на плоский камень.

– Это та женщина с нами что-то сделала? – спросила я Тарена, всё ещё хватая воздух.

Он осмотрел наши метки.

– Не знаю. Вы разошлись, и обоим стало плохо. Когда свели вместе – стало легче. Решил попробовать, потому что приступ начался одновременно, а времени искать объяснение не было.

Тарен отошёл к солдатам. Я обняла себя за плечи, но от дрожи это не помогло. Марк вытер грязное лицо рукавом, посмотрел на ладонь и уронил руку на колено.

– Я думала, ты прямо за мной, – сказала я Марку, теребя мокрую юбку.

– Лошадь задом пошла, пришлось через другой пролом выбираться. Я видел тебя наверху и хотел догнать, а потом сам свалился. Не специально тебя оставил, Ника.

Он сел ближе, и я не стала отодвигаться.

Тарен отправил всадника предупредить городскую стражу, а сам вернулся к нам.

– Нужно понять, связано это с расстоянием или нет. В городе вас могут развести по разным помещениям. Лучше выяснить сейчас, чем потом вытаскивать одного из запертой комнаты.

Я посмотрела на пустую дорогу.

– Я не хочу ещё раз так. У меня до сих пор грудь болит, когда вдыхаю.

– До этого не дойдёт. Один останется здесь, второй отойдёт с Раданом. Как только почувствуете хоть что-нибудь, сразу обратно.

Марк поднялся.

– Ладно, я пойду. Только давайте без «потерпите ещё немного, нам надо убедиться». Первый признак – возвращаюсь.

– Первый признак – поднимаешь руку и возвращаешься, – согласился Тарен.

Я следила, как Марк с Раданом идут вниз по склону. Поймала себя на том, что считаю шаги, хотя начало давно пропустила.

Запястье снова стало тёплым. Я тут же вскочила.

– Всё, обратно! Марк, возвращайся, уже началось!

Он одновременно поднял руку. Радан придержал его за локоть и развернул, но на этот раз Марк шёл сам. Через несколько шагов жжение ослабло. До нехватки воздуха не дошло, однако я всё равно встретила его на полпути.

– Около семидесяти обычных шагов, – сообщил Радан капитану. – Дальше не ходили.

Я посмотрела на отрезок дороги: наверное, метров пятьдесят, не больше. В городе это могло означать соседнюю улицу, длинный двор или другой конец дома. Не такое уж огромное расстояние, чтобы каждый раз заметить опасность заранее.

– Держитесь рядом, не больше десятка шагов между вами, – распорядился Тарен. – И солдатам скажу, чтобы не разделяли даже на осмотре.

Марк потёр запястье.

– Это теперь сколько продлится? Хотя бы примерно можете сказать?

– Спросишь в Вейре. Я умею довести вас до города, а не снимать такие вещи.

Капитан пошёл собирать отряд. Я посмотрела на Марка.

– Только не вздумай теперь отходить, чтобы мне что-нибудь доказать, – сказала я. – Я серьёзно, Громов. Ни на минуту.

Он потёр лоб.

– Ника, я тоже чуть не задохнулся. Мне хватило, повторять не собираюсь.

К утру дорога стала шире. За холмами светлело небо, на полях лежал туман, и от этой обычной, почти дачной картины всё случившееся казалось ещё страшнее. Я всё ждала, что из-за поворота покажется машина.

Вместо неё мы нашли повозку, съехавшую в канаву.

Лошадь стояла боком, запутавшись в упряжи. Возле колеса сидел мужчина в распахнутой куртке. Одну ногу он вытянул перед собой, прижимая к голени скомканную шапку. Между пальцами темнела кровь.

Тарен послал двух солдат дальше с раненым, а сам подошёл к повозке. Я свернула следом.

– Ты куда? – Марк взял меня за рукав. – Сейчас опять все разойдутся, а мы останемся.

– Не разойдутся, капитан здесь. Я только посмотрю, человеку же плохо.

Возница поднял на меня усталые глаза.

– Колесом в яму попал. Лошадь дёрнула, я соскочил, да прямо на обломок борта. Думал, до дороги доползу, кто-нибудь подберёт.

Я присела рядом. Шапка уже промокла, а мужчина всё пытался отнять её от раны и посмотреть, не перестало ли кровить.

– Вы пока держите, ладно? Я сейчас найду что-нибудь чистое. Так хотя бы меньше течёт, не надо каждый раз поднимать.

Радан вытащил из тюка свёрнутую полосу полотна. Я осторожно заменила ею шапку и прижала к голени. Возница шумно выдохнул, ухватившись за край моей юбки.

– Прости, девочка. Больно просто, сил нет.

– Ничего, держитесь. Только ногу не дёргайте, пожалуйста.

Марк стоял надо мной. Я подняла на него глаза.

– Подержи ткань, пока я перевяжу, – попросила я Марка.

Он оглянулся на солдат, но Тарен с Раданом распутывали упряжь.

– Мне не операция нужна, а свободная рука. Сядь и прижми вот здесь.

Он опустился рядом, поскользнувшись коленом в грязь, выругался и всё-таки сделал, как я просила.

– Так держать? Ты скажи, если сильнее надо, я не понимаю, как ему не сделать хуже.

– Так и держи, только пока не отпускай.

Я обернула ткань вокруг ноги, стараясь не задевать рану. Марк морщился от боли в плече, но здоровую руку не убирал. Потом мы поменялись, и я попросила его закрепить концы.

Первый узел пополз сразу же. Он попытался подтянуть его, возница ойкнул, и я поймала Марка за кисть.

– Не тяни всю повязку. Вот этот конец придержи, а второй продень ещё раз.

– Я вижу, куда продеть. Пальцы скользят, – раздражённо ответил он, однако переделал.

Я выпрямилась, разминая затёкшую спину. Марк остался сидеть, разглядывая грязные брюки.

– Ну что, теперь можно идти? Или мы ещё колесо менять будем?

– Спасибо, что помог, – сказала я. Он поднял голову, и я отвернулась к вознице, проверяя, сможет ли тот встать.

Мы с Раданом вывели его на дорогу. Тарен посадил мужчину на свою лошадь; повозку пришлось оставить.

Марк молча шёл рядом со мной. На его рукаве остался след чужой крови. Впереди показался всадник, которого отправили в город.

Он осадил лошадь возле Тарена и заговорил вполголоса. Капитан слушал, не перебивая, потом посмотрел на нас.

– Когда войдём в Вейр, будете держаться возле меня. Никаких разговоров с прохожими, никаких споров. Даже если вас станут оскорблять.

– А с чего им нас оскорблять? – спросил Марк, остановившись.

Тарен помолчал, глядя на нас.

– Сигнальные посты ещё ночью передали, что ключ разрушен и появились двое носителей. А мой всадник сообщил, что мы их нашли. У северных ворот уже собрались люди из разорённых поселений. Они требуют, чтобы я вас выдал.

Я посмотрела на дорогу за нашими спинами, где осталась сторожка с проломленной оградой, потом снова на Тарена. Ещё недавно я боялась, что он передумает вести нас в город.

Глава 4. За помощь тоже придётся платить

До ворот я пыталась придумать, что скажу людям, если они потребуют нас выдать. Объясню про зеркало, про смену в чужом доме. Только после встречи с Раданом я уже знала, насколько это убедит человека, чья семья осталась за рекой.

Тарен свернул к боковому входу в городскую стену. У калитки ждали несколько повозок. Возле одной сидела женщина, завернув в одеяло босые ноги. Увидев дозор, она поднялась и пошла навстречу.

– Из Дальнего Брода ещё выходили? Там мой муж у мельницы остался. Высокий такой, борода рыжая, может, видели?

Она вглядывалась в лица солдат. Тарен остановился, хотя до этого подгонял нас всю дорогу.

– Мы пришли с западного тракта. С севера дозор пока не вернулся. Назови имя мужа караульному, пусть запишет.

– Я уже называла. Он велел здесь ждать, так я и жду с ночи.

Капитан отвёл её к караульному. Я спрятала запястье в рукав, но женщина на меня даже не посмотрела. Пока она ждала мужа, я надеялась, что никто не узнает, из-за кого всё началось.

– Пойдём, нас пропускают, – тихо сказал Марк, коснувшись моего локтя.

За стеной мальчик катил бочку, из окна вытряхивали половик. После ночи на дороге эта обычная жизнь казалась невозможной. На вывеске над лавкой тянулись завитки: речь прохожих я понимала, а прочитать не могла ни слова.

Тарен привёл нас в небольшой двор за дорожной управой. У крыльца лежали вехи с медными наконечниками. Женщина, вышедшая на стук, держала в руке кусок хлеба.

– Только не говори, что опять погасли дорожные огни. Я вчера отправила новые вставки, – начала она, но замолчала, увидев наши лица. – Кто это с тобой? Они раненые?

– Ильса, нам нужно внутрь. Помоги усадить этих двоих, они едва идут. А потом посмотришь на метки, я такого ещё не встречал.

В доме пахло горячим воском и горькой травой. Ильса сдвинула к стене инструменты и разобранный фонарь, освободила два стула и потребовала показать руки.

Тарен рассказал о зеркале, метках и приступе на дороге. Ильса слушала, не перебивая, только недоеденный хлеб положила прямо на стопку записей.

– Сначала вымоете руки, под грязью ничего не рассмотреть. Вода там, полотенце на крючке. Только идите вместе.

У таза пришлось встать рядом. Пока я отмывала содранную ладонь, Марк придерживал кувшин, морщась от боли в ушибленном плече.

Ильса заметила это, когда мы вернулись к столу.

– Подними левую руку. Только не через силу, я вижу, что болит, – попросила она. Осмотрела ушиб и подвинула Марку стул. – Мазь дам. А зовут меня Ильса Ренн. Я работаю с защитными контурами, не с переходами между мирами, так что возвращения домой сегодня не обещаю.

Я вдруг поняла, как сильно надеялась услышать обратное.

Ильса поставила между нашими руками узкую стеклянную пластину в медной оправе. Провела пальцем по краю, и внутри загорелась тонкая полоска света. Я невольно отдёрнула кисть.

– Не обожжёт. Я посмотрю, как распределена связь. Если почувствуешь боль, сразу говори, терпеть не надо.

Она придвинула пластину к моему запястью. Свет раздвоился: одна нить легла вдоль тёмного кольца на коже, другая потянулась к руке Марка.

– Ключ разделился между двумя носителями, – сказала она наконец. – Вы оба держались за раму, когда нарушилось её соединение с печатью. Система привязала оставшиеся части к вам. Отдельно они не работают.

Марк посмотрел на свою руку.

– И поэтому мы задыхаемся, когда расходимся? Это можно убрать?

– Здесь – нет. Сейчас связь устойчива. Без полного описания ключа я ничего разрывать не стану.

– А если нас убьют? – спросила я прежде, чем успела решить, хочу ли слышать ответ. – Тот человек ночью… Он думал, что так всё исправит.

Тарен опустил глаза на свои руки. Ильса посмотрела сначала на него, потом на меня.

– Смерть носителей не восстановит разрушенный контур. Это не наказание, которое закончится, когда кто-то решит, что вы достаточно пострадали. Повреждена защита Вардена, и чинить нужно её.

Я провела пальцем по краю метки. После воды она стала ещё виднее.

– Но мы правда это сделали? Из-за нас те… люди выходят оттуда?

Ильса отложила пластину.

– Похоже, зеркало было вынесенной частью печати. Когда-то из-за катастрофы в Вардене пришлось закрыть разрыв между мирами, а ключ убрать на другую сторону, туда, где он не подвергался воздействию самого разрыва. Старые тексты описывают предмет в зеркальной раме. Ты говоришь, стекло треснуло, но осколков не было?

Я кивнула, а Марк подался вперёд.

– Его вообще можно было разбить обычной статуэткой? Почему оно не разбилось раньше, когда его перевозили?

– За годы крепления могли ослабнуть. Возможно, вы ударили именно в точку соединения. Я не видела предмет, поэтому гадать не буду. Но стекло там служило только внешней оболочкой. Могло треснуть соединение, а само зеркало после перехода снова стать целым на вид.

– Отец купил его на аукционе у наследников какого-то коллекционера, – сказал Марк. – Я ещё видел ящик, когда его привезли. Никто не говорил ни про печати, ни про другой мир. Оно просто стояло в галерее.

– Значит, прежнее назначение забыли и там, – ответила Ильса. – Насколько сильно разрушена основная защита, я пока не знаю. Поэтому не буду объявлять вас виновными во всём, что происходит на дорогах. Сеть давно нуждалась в ремонте.

Я подняла глаза.

– А те, кто выходят… Они живые? Мы слышали, как женщина просила помощи.

– Их называют пустыми. Разрыв сохранил следы погибших в Вардене людей: внешний облик, движения, обрывки памяти. Они способны повторять слова, иногда даже услышанные недавно, но разговаривать с ними как с человеком нельзя. Чем дольше сеть разрушена, тем дальше они проходят по её повреждённым линиям.

Ильса заметила, как я обхватила себя руками, и придвинула кружку.

– Работающие контуры их удерживают. На живого человека такой огонь не действует, иначе наши собственные дороги были бы непроходимы. Поэтому стражу на воротах никто не отменял.

Это был первый ответ, который хотя бы немного помог. Значит, существовали места, где можно закрыть глаза и не ждать голоса за дверью. Я пока не знала, насколько надолго.

Ильса начала промывать мне ссадины. Я смотрела на её пальцы: короткие ногти, небольшой ожог, чернильное пятно возле костяшки. Она придерживала мою ладонь за неповреждённый край, чтобы лишний раз не давить.

– Почему я вас понимаю, а буквы на улице прочитать не могу? – спросила я. – Мы ведь вообще не знаем вашего языка.

– Ключ помогает разбирать устную речь, но не письменность. Это описано в записях хранителей. Хотя живых носителей с разделённым ключом я ещё не видела.

Марк наклонился вперёд.

– Тогда нам нужен кто-то из этих хранителей. Вы можете нас к ним отвезти? Или хотя бы сказать, где их искать?

– Главный хранитель Севар сейчас в крепости у Вардена. Я могу добраться туда вместе с вами, проверяя в дороге защитные опоры. Но обещать, что на месте сразу откроют проход, не буду.

– Сколько стоит ваша помощь? – спросил Марк. – Мой отец возместит любые расходы, когда мы вернёмся. Могу написать обязательство.

Ильса закончила перевязывать мою ладонь.

– А я как получу эту плату? Пойду в мир, откуда вы не знаете дороги обратно? Мне нужны припасы и материалы сейчас. Обязательство твоего отца здесь никто не примет.

Марк откинулся на спинку стула и посмотрел на вещи, которые Тарен вернул нам из своей сумки. Телефоны лежали рядом с ключами и бумажником. Часы капитан положил отдельно.

– Браслет из белого золота, – сказал Марк, придвигая их к Ильсе. – Можно продать. Механизм тоже дорогой, хотя здесь это, наверное, никого не интересует.

Она взвесила часы в ладони.

– Металл примет ювелир, – сказала она, взвесив часы в ладони. – На часть расходов хватит.

– Только сначала покажите коллекционеру. Он купит не ради металла и не для того, чтобы узнавать время. А потому, что второй такой вещи в городе нет и можно показывать знакомым.

Ильса посмотрела на него внимательнее. Впервые Марк не просто требовал оказать ему положенную услугу.

– Есть у нас один такой знакомый, – сказала она и положила часы рядом с собой. – Попробую. Но одной оплатой мой интерес не ограничивается.

– Что ещё вам нужно? – Я выпрямилась, прижав перевязанную ладонь к животу.

– Возможность наблюдать метки и разбираться в их связи с опорами. Помощь в дороге: носить вещи, снимать показания по моим указаниям, искать местных смотрителей, пока я занята ремонтом.

– Наблюдать – это как сейчас? – уточнила я. – Или вы собираетесь специально разводить нас подальше и смотреть, сколько выдержим?

Ильса отложила свёрток с чистой тканью.

– Как сейчас. Опасных проверок без вашего согласия не будет. Мне нужны люди, способные рассказать, что чувствуют, а не два тела на столе.

– И если вы найдёте способ убрать метки, вы нам скажете? Даже если после этого изучать будет нечего?

Она выдержала мой взгляд.

– Скажу. Но и вы не станете скрывать изменения, потому что устали от вопросов или поссорились между собой. Договорились?

Я посмотрела на Марка, но он ждал моего ответа.

– С моей стороны – да, – сказала я. – И заранее объясняйте, что собираетесь делать. Не когда уже начали.

Марк тоже согласился. Ильса записала условия, читая каждую строчку вслух. Я смотрела на незнакомые знаки: даже проверить написанное не могла. Пришлось поверить Тарену, который подтвердил, что записано всё верно.

– До решения о перевозке вы остаётесь под моей ответственностью, – сказал он. – Никаких самостоятельных прогулок. Я выясню, как вас выпустить из города с Ильсой, а не отправить на площадь по требованию тех, кто громче кричит.

Когда он ушёл, я снова начала прислушиваться к звукам за дверью. Без капитана здесь уже не казалось так безопасно.

Ильса принесла хлеб, сыр и кувшин воды, а сама достала из высокого шкафа несколько свёрнутых листов. Есть мы начали раньше, чем она успела поставить вторую кружку. Марк положил передо мной кусок сыра, который я не могла отрезать перевязанной рукой, и тут же потянулся за следующим. Я ничего не сказала: рот был полон, да и превращать кусок сыра в событие не хотелось.

Ильса развернула карту, накрыв крошки одним углом. Между городами тянулись тонкие линии, возле некоторых стояли значки, похожие на решётки.

– Мы здесь. Главные дороги идут в обход этих мест, но по ним уже движутся беженцы. С грузом там будет трудно, – объяснила она, показывая пальцем.

От Вардена расходились три толстые линии. Каждая заканчивалась отдельным знаком, соединённым с мелкой дорожной сетью.

– А это тоже дороги? – спросила я, осторожно придвигая кружку, чтобы не пролить на карту.

– Нет, связи внешних опор с центральной печатью. Их три.

– Тарен говорил только про одну печать. Получается, там не одно место надо проверять?

Ильса посмотрела на схему и разгладила сгиб ладонью.

– Говорят обычно про Варден. Внешние участки давно обслуживают по остаточному принципу: пока огни горят и дорога открыта, никто не спрашивает, что происходит внутри. По отчётам у нас всё ещё работало. Я хочу увидеть сама.

– Вы этим и раньше занимались? – спросил Марк.

– Раньше я хранила и разбирала записи о старой сети. Потом слишком настойчиво попросила разрешить проверку на месте. Теперь чиню дорожные фонари и составляю заявки на медь, которые неделями лежат в управе.

Она выровняла стопку бумаг, хотя та и так лежала ровно, и принялась отмечать путь между опорами. Впервые с той минуты, как я упала в грязь возле Марка, у нас появился хоть какой-то план.

В дверь постучали. Ильса вышла в переднюю, а вернулась со сложенным листом бумаги. Прочитала его стоя, затем снова посмотрела на первую строчку.

– Что там? – спросил Марк. – Тарен написал?

– Нет. Кое-кто узнал, что вас привели ко мне.

Между незнакомыми буквами на листе я различила рисунок: кольцо с тремя разрывами и косой чертой. Такое же, как на наших руках.

– Мне предлагают оплатить дорогу и все материалы, которые понадобятся для работы. Взамен нужно сегодня вечером привести вас к старому складу у северной стены.

Марк медленно поставил кружку.

– А почему нельзя встретиться здесь? Кому понадобилось тащить нас к складу?

Ильса перевернула лист, словно надеялась найти подпись на обороте, но там было пусто.

– Потому что капитан и его люди присутствовать не должны. Это написано отдельно.

Я посмотрела на дверь, за которой ходил оставленный Тареном караульный. Его шаги больше не успокаивали. Теперь я пыталась вспомнить, говорил ли он с человеком, который принёс письмо, и что они друг другу сказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.